

Елена Лярская

Подарок от «Арзамаса», или Как добыть десять слов, помогающих понять культуру

Несколько лет назад, когда я готовила лекцию для курса «Арзамаса», посвященного Ямалу, ко мне обратились редакторы этого курса и предложили составить подборку «краеугольных ненецких слов» — т.е. слов, важных для ненецкой культуры, которые помогли бы лучше ее понять. Выглядеть этот список должен был так: само слово (или выражение) на ненецком, его транскрипция и перевод на русский и затем пара абзацев комментария о соответствующем аспекте ненецкой культуры. При этом редакторы просили «избегать чего-то совсем очевидного, вроде слов “чум” и “олень”». Комментарий они предлагали построить примерно так:

Допустим, в ненецком есть какое-то особенное слово, означающее самый простой способ быстро сложить чум и подготовить его к переезду. В комментарии можно кратко рассказать о чуме и о том, почему такой тип жилья хорошо подходит для кочевой жизни, а также о том, что переезд сам по себе — важнейшая составляющая жизни кочевника. Или, скажем, есть какое-нибудь междометие, которым погоняют оленей в дальней дороге. Тогда в комментарии можно объяснить, какое место занимает олень в жизни ненцев и каким образом ненцы с ними общаются (из письма редактора «Арзамаса»).

Елена Владимировна Лярская
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
tisa@eu.spb.ru

Предложение «Арзамаса» показалось мне интересным, тем более что когда-то, когда я училась в ЕУ, задание, касающееся описания слов и понятий, нам давал Альберт Кашфуллович. Тогда он предлагал на выбор обыденные предметы или действия и просил проанализировать их семиотический статус. Нашему курсу, кажется, это нужно было сделать на основании восточнославянских примет и загадок. Я описывала «иглолку» и «ключ», и это был интересный опыт, который меня многому научил. Поэтому я согласилась на предложение «Арзамаса».

Обдумывая полученное задание, я осознала, что, во-первых, у самих ненцев, насколько мне известно, не существует никакого консенсуса о том, какие слова / понятия являются для них «краеугольными» или отличают их от других этнических групп. И, во-вторых, что я сама не хотела бы решать, какие понятия для ненецкой культуры самые главные. Конечно, нет ничего плохого в том, что специалист объясняет заинтересованной публике что-то о предмете своих штудий и отбирает для этого материал, основываясь на собственных представлениях о жизни обсуждаемого народа. Я могла бы рассказать о неочевидных особенностях тундровой жизни, сама составив список из десяти слов, пояснения к которым, с моей точки зрения, помогут лучше вообразить ненецкие представления о мире. Именно этого от меня, видимо, и ожидала редакция «Арзамаса». Но такое выполнение работы не даст никому ничего нового: я просто буду рассказывать то, что и так уже знаю, а это неинтересно. И главное, спровоцированный редакторами «Арзамаса» вопрос о том, какие слова и понятия сами ненцы считают важными и могущими что-то объяснить в ненецкой жизни, меня заинтриговал.

Существует немалое число работ, содержащих описание и анализ того, что условно можно обозначить как «картину мира» или «мировоззрение» у тех или иных народов Севера¹. Часть из них написана исследователями, принадлежащими к тем этническим группам, которые они изучают². Но все эти описания основываются на понятиях, отобранных учеными исходя из их собственной исследовательской логики и представлений о значимости. А что окажется важным не для исследователей, а для самих носителей культуры, что выберут они, какова будет эмная точка зрения? Об этом мы ничего не знаем, но можем узнать:

¹ См., например, специальный сборник, подготовленный в Кунсткамере: [Вдовин 1976]. О самодийских народах см., например: [Прокофьева 1961; 1981; Грачева 1983; Симченко 1996; Степанова 2008; Мартынова 2014; Адаев 2017; Плужников 2018].

² О ненцах и хантах см.: [Сусой 1994; Лар 1998; 2003; Молданова 2001; Харючи 2001; 2012; Пушкарева 2007; Сподина 2012; 2016; Сэрпиво 2016; Рындина и др. 2018; Laptander 2020; Яптик 2021a].

ведь одно из главных преимуществ нашей дисциплины — возможность спросить людей напрямую, что они думают. Этому преимуществу начисто лишены специалисты, работающие с дошедшими до них текстами и вынужденные только на их основе реконструировать значения и значимость понятий и представлений. И этим преимуществом грех не воспользоваться: если задаться вопросом, какие десять слов будут выбирать сами ненцы и почему, то задание «Арзамаса» из написания небольшого просветительского текста превратится в увлекательное исследование с непредсказуемым результатом. Непредсказуем он не только потому, что самих ненцев никогда раньше об этом не спрашивали, но и из-за той примечательной и во многих отношениях нетипичной ситуации, в которой находятся сегодняшние ямальские ненцы¹.

Ненецкая культура, которую я давно изучаю, интересна как раз тем, что это не музейный экспонат, который можно только оберегать или возрождать, а удивительно живая, меняющаяся на глазах и сохраняющая при этом какие-то свои важные черты традиция. Когда после распада СССР оленеводство во многих регионах тайги и тундры сократилось, ненцы, напротив, значительно увеличили оленье поголовье, и сегодня специалисты считают, что примерно каждый третий олень мира пасется на Ямале. Ненцы (особенно в тундре) сохранили свой язык, и часто это первый язык, который осваивают дети. Здесь продолжают шить и использовать национальную одежду, у ненцев сохраняется бытовое кочевание (т.е. кочевание семьями). Сегодня в тундрах полуострова Ямал кочевников больше, чем было до Второй мировой войны, они продолжают жить в чумах, растить там детей, пасти оленей, ловить рыбу и т.д.

Однако теперь эти кочевники — только половина всех ненцев, другая половина живет в поселках и городах, работая педагогами, медиками, водителями, чиновниками, предпринимателями, кочегарами, охранниками, продавцами и т.д. При этом тундровые и поселковые ненцы сохраняют между собой тесные связи². На сегодняшний день большинство ненцев (как оседлых, так и тундровых) имеет как минимум среднее образование, в школах-интернатах учится уже четвертое поколение ямальских кочевников. Ненцы уже давно и крепко связаны не только с живущими и кочующими по соседству хантами, коми или

---

¹ Современное положение коренного населения Ямала привлекает пристальное внимание исследователей, ему посвящено множество работ, затрагивающих различные стороны жизни. Среди них такие как [Головнев 1995; 2004; Stammler 2005; Волжанина 2010; Лярская 2016; Арзютов 2017; 2020; Адаев 2018; Волковитский, Терехина 2020; Яптик 2020; 2021б; Laptander 2020; Терехина 2021] и многие другие.

² Подробнее см.: [Крупник 2000; Лярская 2016].

селькупами, но и с «русскими»¹ жителями поселков и городов Ямала, а в последнее время еще и с теми, кто работает вахтовым методом в добывающих компаниях, например в Сабетте и Бованенково, или занят в строительстве дорог, или эксплуатирует месторождения в тундре и т.д.

Конечно, интересно узнать, что в такой ситуации кто из ненцев посчитает важным. И можно предположить, что у разных групп ненцев ответы могут не совпасть.

Решение этой задачи я начала с опроса довольно специфичной и интересной группы, человек десять-пятнадцать, состоящей из юношей и девушек в возрасте от 17 до 21 года из поселков и тундр Ямала и Гыдана, приехавших учиться в средние специальные заведения Тюмени, где я оказалась как раз в то время, когда пришло предложение от «Арзамаса». Все эти молодые люди свободно владели ненецким, все прежде учились в разных школах-интернатах Ямала, большая часть их происходила из тундровых семей, но некоторые выросли в поселках. Параллельно я обратилась за помощью к А.Х. Вануйто — учительнице родного языка из Се-Яхи, самого северного поселка полуострова Ямал, и попросила ее составить вместе со своими учениками-старшеклассниками, выросшими в тундре, список «самых важных ненецких слов».

Объяснив тюменским ребятам, что такое «Арзамас», я сказала, что редакторы проекта просят сделать список примерно из десяти ненецких слов, которые, будучи переведены на русский язык, смогут рассказать нечто важное о ненецкой жизни тем, кто никогда о ней не слышал. При этом я не говорила, что от ребят требуется объяснить особенности жизни в тундре, не просила излагать основы оленеводства и т.д. — мне было интересно, что они сами посчитают важным. Следуя указаниям редакторов, я предупредила ребят, что слова «чум» и «олень», как самые очевидные, включать не нужно.

Ребята охотно согласились и, восприняв мое предложение как своеобразную игру, сразу начали обсуждать, что можно было бы поместить в список. Я отдала им свой блокнот, они пустили его по кругу и писали все, что им приходило в голову и казалось в тот момент важным, но после обсуждения многие слова тут же вычеркивали. В итоге получился своеобразный лонг-лист (примерно тридцать слов). Вскоре я получила и второй список, присланный из Се-Яхи. Оба списка на первом этапе состояли исключительно из ненецких слов без перевода и пояснений.

¹ В данном случае «русский» не означает национальную принадлежность. Этим термином на Ямале, как и на остальном Севере, аборигенное население обозначает всех, кто не является «коренным» жителем региона (кроме хантов, коми, манси, селькупов, татар и т.д.).

Затем я встречалась с участниками по отдельности, они просматривали оба имеющихся списка, иногда дополняли их. Потом каждый из них своей рукой составлял свой окончательный вариант и объяснял мне, почему то или иное слово, по его мнению, следует включить и что оно может объяснить о ненецкой жизни тем, кто с ней не знаком. Все обсуждения мы записывали на диктофон. В итоге получилось семь кратких списков с толкованиями.

На следующем этапе работы мы с А.Х. Вануйто, которая стала соавтором текста для «Арзамаса»¹, окончательно доделали список, согласовали его с редакцией проекта и, опираясь на имевшиеся пояснения, написали комментарии к каждому слову. Таким образом, вся работа была сделана в тесном сотрудничестве с ненцами и опиралась на их выбор и видение.

Что получилось в результате? Несмотря на то что я с самого начала не хотела ограничивать нашу совместную работу какими-то рамками и стремилась получить независимое мнение ненцев, меня все же поразило, насколько часто выбор ребят не соответствовал моим подспудным ожиданиям. Я видела перед собой парней, умело жаривших шашлыки и бравировавших своей ловкостью и взрослостью, и девушек, прекрасно ориентировавшихся в тонкостях городской жизни, приветливых, хорошо одетых, немного кокетливых. Все они, как я смогла убедиться, постоянно и уверенно пользуются интернетом и социальными сетями. А на бумаге из-под их рук в качестве самых важных выходили слова «солнышко», «небо», «день», «костер», «собака», «рыба», «сетка», «хорошая душа», «семья» и т.д.

Это заставило меня задуматься о том, как этот список будет выглядеть на фоне прочих, составленных на «Арзамасе» для других языков. Я не хотела, чтобы наш материал усилил стереотипное отношение «коренные кочевники — наивные дети природы». Для меня очевидно, что дело не в этом. Я уверена, что список, получившийся в ходе работы в Тюмени, говорит не о наивности, а другом отношении к жизни и ином экзистенциальном опыте. Поясню.

Во-первых, ненецкий язык не связан с кодифицированной религией или развитой бюрократией, поэтому в нем нет специально и давно разработанных понятий, в отличие, например, от немецкого или татарского, списки для которых тогда уже были размещены на «Арзамасе».

---

¹ Лярская Е. Вануйто А. Нярку, ямдась и другие важные ненецкие слова [Материалы к курсу «Открывая Россию: Ямал»] // Арзамас. [2019]. <<https://arzamas.academy/materials/1725>>.

Во-вторых, списки для других языков составлялись по иному принципу, чем наш: у нас над списком работали не специалисты, изучающие культуру «снаружи» и ищущие слова, способные заинтересовать российского читателя, а сами носители культуры. Их список — о том, как «важное» выглядит изнутри, и это взгляд не зрелых философов и ученых, а юношей и девушек, будущих сварщиков, проводников поездов, инженеров газооборудования, специалистов по страховому делу и т.д. Они не принадлежат к гуманитарной интеллигенции, привыкшей рассуждать о культуре, из их ответов ясно, что у них нет готового ориентира, на который они могут равняться при выполнении подобного задания, нет привычного дискурса, на который они способны тут же переключаться. Я почти уверена, что «профессиональные ненцы» — сотрудники музеев, администраций, работники культуры — составили бы другой список и он скорее бы соответствовал нашим ожиданиям, чем то, что выбрали мои собеседники. Совершенно очевидно, что если мы попросим составить список важных понятий для русской культуры выпускников провинциальных школ и учащихся техникумов, то их выбор будет значительно отличаться от того, который делают университетские преподаватели, философы, творческая элита.

Мы условились с ребятами, что я включу в итоговый список для «Арзамаса» те слова, которые встретятся чаще всего, поэтому в ходе работы я постоянно сопоставляла полученные списки. Оказалось, что большая часть слов не вызывала разногласий, практически все называли ручного олененка, семью, костер, солнышко, собаку, сетку для ловли рыбы и саму рыбу, глаголы, обозначающие кочевание и ловлю оленей, термин «хорошая душа». Тем не менее списки, составленные разными людьми, совпадали не полностью. Например, только девушки считали важными слова, обозначающие обряд очищения или особый мох, который используется в тундре в гигиенических целях; только юноши упоминали термины, обозначающие упряжь или священную нарту. Некоторые слова из тюменского списка отсутствовали в сеяхинском и наоборот. Список молодого человека, выросшего в поселке, немного отличался от тех, что составили его ровесники из тундровых семей. Несколько отличались представления о том, что следует включить в список, у учительницы и студентов.

При подготовке текста для «Арзамаса» эти мелкие различия не имели существенного значения (хотя в итоге мы включили в список два слова, упомянутые только девочками). Однако для меня они представляют большой интерес: мне хотелось бы разобраться, насколько они случайны и что за ними может стоять. Мне показалось, что тут может быть какой-то ключ,

позволяющий узнать о современных ненцах что-то важное. Поэтому, хотя работа для «Арзамаса» была давно закончена, я продолжила собирать списки важных ненецких слов с пояснениями от ненцев, принадлежащих к различным локальным и возрастным группам, имеющих разное образование, профессию, статус и уровень владения ненецким языком. Разница в том, какие слова эти группы выбирают, довольно заметна, и анализ этих различий — дело будущего.

Примечательно, что, хотя я намеренно не просила ребят описывать жизнь в тундре и специально подчеркивала, что нам дано задание рассказать что-то важное о ненцах, а не о тундровой жизни, большинство выбранных слов все-таки были связаны с тундрой. Если думать о нашей игре в слова как об эксперименте, то он ясно показывает, что даже для этой группы молодых людей, которые свободно говорят по-ненецки, но учатся за пределами округа и не станут профессионально заниматься традиционным хозяйством, ненецкая жизнь все-таки мыслится как связанная в первую очередь с тундрой, и вопрос о важном в ненецкой жизни они переосмыслиют как вопрос о важном в тундровой жизни.

Редакторы «Арзамаса» с самого начала ограничили выбор слов, попросив исключить из него «чум» и «олень» как самые очевидные. Как оказалось, эти слова действительно должны были стать лидерами, их пытался внести в свой список практически каждый.

Кроме них абсолютными чемпионами по частоте упоминаний оказались слова «семья» и «кочевать». И если слово «кочевать», обозначающее довольно специфическую практику, было для меня ожидаемым, то, увидев в списках «семью», я сначала пыталась уточнить у ребят: «Почему семья? Ведь она есть у всех народов? Что это слово может рассказать особого тем, кто ничего не знает о ненецкой жизни? Почему семья как-то особо важна именно для ненцев?» Мои собеседники в свою очередь удивлялись моим вопросам: «Семья — важно, потому что как же без семьи вообще можно?» Для них было очевидно, что человек не может быть один, и если у него нет семьи, то он просто «не состоялся». Примечательно, что когда я впоследствии продолжила сбор списков важных слов, то обнаружила, что это слово называют все категории ненцев — и семиклассники, и студенты, и пожилые люди, и поселковые, и тундровики, и те, у кого есть высшее образование, и те, кто работает уборщицей или водителем. Вокруг важности этого понятия у ямальских ненцев сегодня несомненно есть консенсус.

Признаться, когда я увидела, что в список важных слов включены не только семья, но и, например, рыба или солнышко,

меня это немного смутило. Безусловно, они необходимы в тундре, но я опасалась, что если в итоговом списке для «Арзамаса» будет написано, что без рыбы в тундре нечего есть и что без солнца в арктической пустыне не выжить, это будет хоть и точно, но скучно, и редакция такой вариант попросту не примет. Однако, как только ребята начали объяснять свой выбор, все мои сомнения испарились. Оказалось, что пояснения информантов никогда не сводились к подобным примитивным комментариям.

Так, двое молодых людей, составляя общий список, включили в него слово «нум», переведя его как «небо». Разъясняя, почему это слово важно, они вспомнили не только о том, что Нум для ненцев одновременно и небо, и бог верхнего мира, и о том, какие и когда бывают жертвоприношения, но и о правилах и запретах, касающихся пространства и времени, которые ненцам необходимо соблюдать, чтобы не подвергать опасности свою и чужие жизни. Например, что вещи из священной нарты нужно доставать утром, что не нужно вечером ездить за водой или дровами и что вечер в таком случае означает время, когда солнце начинает клониться к горизонту (т.е. время после полудня). Ребята вспомнили, что если приходится проезжать мимо священного места, то на обратном пути нужно ехать по той же стороне дороги, что и в первый раз: путь ни в коем случае не должен описать вокруг священного места круг, это опасно. Возле священных мест нельзя ночевать, не то сойдешь с ума: уж лучше заснуть у могилы, там «конечно страшно, но хоть ничего с тобой не случится». Если дети поставили игрушечный чум, его обязательно нужно разобрать на ночь, а девочки непременно должны вынимать на ночь кукол из люльки. Оказалось, что во время поездок никогда нельзя терять *гусь* (верхнюю одежду, которую всегда берут с собой и которую при необходимости надевают поверх шубы-малицы): если этот гусь потерять, то лишишься своей души-тени (*сидяниг*) и через три года умрешь. Вся эта информация появилась через десять минут после начала встречи и лишь из-за того, что ребята включили в список слово *Нум* 'небо'.

Пример с «небом» — не исключение, а правило. Практически каждое слово точно так же обрастало подробностями, так случилось и с сеткой для ловли рыбы, и с загоном для оленей, и с мхом, который используют для гигиенических нужд, и т.д. Точнее всего этот эффект сформулировала одна из моих юных собеседниц, начиная свое объяснение слова «сетка»: «Из этого слова получится целая история». То, что разговор, начавшись с одного, может легко перейти на другое — не новость. Но наша своеобразная «игра» предполагала, что ребята будут выбирать важное и репрезентативное в своей культуре, и появ-

ление тех или иных тем в этом контексте придает им особую значимость.

При этом оказалось, что игра, в которую превратилось задание «Арзамаса», дает возможность быстро перейти к достаточно свободному обсуждению таких тем, для которых в ином случае потребовалось бы гораздо более длительное знакомство. И в этом обсуждении становятся очевидными совершенно непредсказуемые переплетения хозяйственной, социальной, этической и эмоциональной реальности. Само наличие такого переплетения — известный факт, но то, в каких случаях и как именно оно произойдет, предсказать можно далеко не всегда, а конфигурация этих переплетений, безусловно, имеет культурную специфику. Приведу два примера — два объяснения, почему к «важным» относится ненецкое слово *ямдась* ‘кочевать’ (на Ямале, говоря по-русски, используют слово *каслать*).

Первое дает 17-летняя дочь оленеводов:

Я так понимаю, когда люди не каслают, у них оленей мало — они не могут каслать. Для чего им? Для кого им? Им проще сидеть на месте и никуда не двигаться. Каслают те люди, у которых оленей хватает, чтобы каслать. А для того, чтобы олени питались хорошо, нужно каслать все время. Это важно, чтобы олени были живые и стадо целое осталось. И для людей каслать тоже хорошо, тоже полезно: тогда они все время двигаются. Интереснее жить, когда каслают, можно видеть новых людей, [заводить] новые знакомства...

Второе объяснение предлагает 18-летний сын оленеводов:

Каслать-то обязательно важно, чтобы землю не портить! Ну, если долго на одном месте стоишь, то землю растоптаешь, и те люди, которые будут каслать, например, по тому маршруту, по которому ты каслаешь, им не будет выгодно, например, там рядом останавливаться. Потом у них олени будут бегать... дальше, подальше... чтобы искать [речь идет о том, что если на том месте, где остановится другой оленевод, ягель будет вытоптан, то стадо в поисках пропитания будет разбредаться шире, и пастухам будет труднее его удержать].

Интересно, что в обоих высказываниях «технические» объяснения необходимости кочевать — оленям нужно питаться, землю (кормовую базу) нужно беречь — теснейшим образом переплетаются с причинами социальными. Девушка совершенно определенно считает, что для людей «каслать тоже полезно»: «интереснее жить», появляются новые знакомства, видишь новых людей. Одновременно каслать — это привилегия, поскольку, если у тебя мало оленей, ты не можешь кочевать и вынужден жить на одном месте.

Важно понимать, что еще в начале XX в. исследователи отмечали, что для ненцев оседлая жизнь менее престижна, чем кочевая, и тот, кто лишился оленей и был вынужден осесть, воспринимал свое положение как временное, стремился собрать стадо и «подняться на кочевание», «жить *неней илугана* (букв. ‘настоящей жизнью’)» [Харючи 2001: 12] (см. также: [Евладов 1992: 168–173; Головнев 1995: 52]). Такая точка зрения, несмотря на всю сложную историю модернизации последнего столетия, сохранялась среди оленеводов и в конце XX в. А мы фиксируем, что эта же точка зрения на кочевание и участь тех, кто вынужден осесть, в XXI в. актуальна для юной ненки, уехавшей учиться далеко за пределы Ямала.

В высказывании юноши «материальное» и «социальное» объяснения тоже оказываются переплетены. Он подчеркивает в первую очередь не сам по себе вред пастбищу от вытаптывания (экологический ущерб) и не убыток из-за порчи этого пастбища своему хозяйству, а то, что такое обращение с землей создаст трудности для других оленеводов. Это вплетение этических мотивировок, постоянная ориентация на других людей и то, в каких местах разговора эти мотивы появляются, оказалось для меня одним из самых неожиданных и интересных результатов работы.

В контексте разговора о том, почему нужно вставить в список слово «солнышко» (*яля’ сэв*) и почему оно важно для ненцев, оказалось использовано выражение «завтра тоже будет день». Когда мы стали разбираться, выяснилось, что это многозначная фраза, ее могут произнести, например, когда запрещают небрежно относиться к еде (чтобы она завтра не исчезла, раз не нужна) или имея в виду, что, совершая какой-то поступок, человек должен думать о будущем: если он сегодня плохо относится к другим, потом никто не придет на помощь его детям. В этом примере наглядно проступает солидарная ответственность рода перед будущими поколениями.

Однако в собранных материалах есть и примеры того, что это может работать в обратную сторону. Одна из студенток, объясняя значение выражения *сава сёнзя* (букв. ‘хорошая душа’), рассказала, что люди часто так говорят о ее отце и однажды, когда она начала «психовать», ее восемнадцатилетний молодой человек пристыдил ее: «Ну, как я слышал, — он говорит, — как я слышал, о твоём отце вообще все время хорошо говорят [по-ненецки она использовала *сава сёнзя*]. А ты вот так вот психуешь!» На девушку это подействовало, ей пришлось приложить усилия и сдержаться, чтобы соответствовать доброму имени своего отца.

Вот еще один пример подобных сплетений. Тюменская студентка выбрала для своего списка слово *поуга* ‘сетка для ловли рыбы’

и стала объяснять мне, почему оно помогает понять что-то важное о жизни ненцев. Она рассказала, что сетку нельзя ставить одному и приходится работать вместе. Поэтому, когда ты просишь кого-то помочь, то узнаешь человека ближе и яснее понимаешь, кому можно доверять, а кому нет. Обычно ставят сети с теми, кому доверяют. Пока люди работают с сеткой, они разговаривают, и в результате у них есть возможность еще лучше узнать друг друга. Когда же мужчины возвращаются с уловом, то они могут отдать его часть тем, кто живет поблизости: «И тут становится видным, кто как делит: кто жадный, а кто не жадный. И даже вот, например, у него есть маленькая рыба и большая. И если он очень уважает соседа, мне кажется, он отдаст ему большую рыбу».

Самое примечательное, что в рассказе она не коснулась ни технологии вылова, ни значения рыбной ловли для хозяйства. Сетка оказалась важна не тем, что она может рассказать что-то про промысел, кухню или пропитание, а тем, что она позволяет понять, какие люди живут рядом с тобой. Предсказать, что за включением сетки в список важных слов будет стоять именно этот мотив, было совершенно невозможно.

Не менее интересна ситуация с эмоциями. Об эмоциональных связях трудно спрашивать напрямую, они довольно слабо отражены и их трудно ухватить. Но оказалось, что при обсуждении «важных слов» связанные с ними чувства и переживания всплывают на поверхность и оказываются включены в описание как бы сами собой. Например, большинство ребят поместили в свои списки ручного олененка (*уавка*). У ненцев такой олененок обладает особым статусом: у него часто есть собственное имя, его обычно не забывают. Хозяйственная ценность олененка широко известна: он служит связью между стадом и хозяевами, может помочь привести потерявшихся оленей к чуму и т.д. Но при ответе на вопрос «почему это слово важно?» мои собеседники одновременно с практическими вещами с явной нежностью вспоминали о своих личных эмоциональных и тактильных ощущениях: он важен, «потому что, к нему можно прикоснуться», «он привязывается к тебе, как щенок, а ты к нему» и т.д.

Таким образом, работа по составлению списка значимых для ненцев слов дает в руки исследователя замечательный эвристический инструмент. Во-первых, принципиально важным оказалось составление списка самими носителями культуры, а не исследователем. И дело не только в том, что при таком подходе носители культуры отбирают значимые для них слова и понятия (что уже само по себе интересно), но и в том, что они, активно включаясь в обсуждение и поясняя исследователю,

почему те или иные слова важны, выводят на свет такие контексты, найти которые исследователь не ожидал и даже не мог предположить, что они существуют, поскольку не знал, что искать нужно именно их. Кроме того что список слов оказался инструментом неожиданной «эвристической» мощи, он еще и чрезвычайно прост в употреблении. С помощью «игры в слова» можно легко «оказаться внутри» разговора на какую-то тему, к которой в ином случае исследователю пришлось бы подбираться очень долго даже со знакомыми людьми. А уж с мало-знакомыми вообще неизвестно, удалось ли бы завязать разговор на такую тему, как, например, реальные этические обоснования тех или иных поступков.

Переформулирование задания «Арзамаса» с позиций эмного подхода позволило увидеть неожиданные переплетения различных сфер ненецкой культуры, которые иначе было бы сложно заметить и описать. Узнать, как именно связаны «хозяйственные» и «этические» мотивы, не так-то просто: это сцепление трудно увидеть в ходе непосредственного наблюдения и о нем невозможно спросить напрямую. Благодаря же «игре в слова» эти переплетения становятся доступными исследователю. Вероятно, связь между «солнышком» и «хорошей душой» можно было бы обнаружить, если догадаться, что она существует, но мне это никогда в голову не приходило. Как выяснилось, с точки зрения наших собеседников, эти понятия могут быть объединены идеей взаимной ответственности людей, принадлежащих к одной семье. То же можно сказать и об эмоциональном спектре: объясняя, почему то или иное слово для них важно, люди автоматически проявляли свое эмоциональное отношение к объясняемому понятию, которое в ином случае было бы трудно обнаружить.

Во-вторых, важен состав слов, выбранных информантами. Различия списков могут при дальнейшем исследовании многое сказать об актуальных сегодня границах между возрастными, гендерными, профессиональными и социальными группами внутри сообщества ямальских ненцев. Совпадения же (изначально нельзя было предсказать, насколько списки совпадут) обозначают точки существующего консенсуса. Так, например, оказалось, что ненцы, живущие на Ямале и вне его, назвали значительно больше общих слов, чем можно было предположить, а мужские и женские списки дополняли друг друга, расходясь в совершенно неожиданных аспектах. При этом, работая с точно социально локализованными списками, мы можем увидеть конкретную ситуацию в конкретной группе, а не рассуждать о ненецкой культуре вообще.

В итоге, поиск ответа на вопрос «Арзамаса» подарил мне удивительный инструмент, от использования которого уже не-

возможно отказаться. Кажется, я теперь еще долго буду «играть в слова», собирая списки «самых важных», поскольку уверена, что применение этого дара принесет много неожиданного и интересного.

Библиография

- Адаев В.Н.* О роли традиционного мировоззрения народов Севера в качестве регулятора режима природопользования // Дубова Н.А. (отв. ред.). Этнос и среда обитания: Сб. статей по этнической экологии. М.: Старый сад, 2017. Вып. 5: Исследования систем жизнеобеспечения. С. 137–148.
- Адаев В.Н.* Трансформация культуры: современные материалы и технологии в жизни тундровых ненцев-оленеводов Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 158–168.
- Арзютов Д.В.* Олени и(ли) бензин: эссе об обменах в северо-ямальской тундре // Давыдов В.Н. (отв. ред.). Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 314–348.
- Арзютов Д.В.* Приручение энергий в ненецких тундрах: окружающая среда и технологии на Российском Севере // Давыдов В.Н. (ред.). Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений. М.: Вост. лит., 2020. С. 114–142.
- Вдовин И.С.* (отв. ред.). Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1976. 336 с.
- Волжанина Е.А.* Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 311 с.
- Волковитский А.И., Терехина А.Н.* Современные проблемы ямальского оленеводства: дискуссии и перспективы // Этнография. 2020. № 2 (8). С. 152–169.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1995. 606 с.
- Головнев А.В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 343 с.
- Грачева Г.Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX — нач. XX в.). Л.: Наука, 1983. 173 с.
- Евладов В.П.* По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 281 с.
- Крупник И.И.* Люди в чумах, цифры на бумаге: русские источники к демографической истории Ямала, 1965–1992 гг. // Головнев А.В. (отв. ред.). Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард: ИИИА УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 122–151.
- Лар Л.А.* Шаманы и боги. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера, 1998. 83 с.
- Лар Л.А.* Культурные памятники Ямала. Хэбидя Я. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. 169 с.

- Лярская Е.В. «Кому-то тоже надо и в городе жить...»: некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 54–70.
- Мартынова Е.П. Представления о богатстве у ненцев Ямала // Давыдов В.Н., Арзютов Д.В. (отв. ред.). Сибирский сборник — 4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры (Памяти российского этнографатунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 161–170.
- Молданова Т.А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 351 с.
- Плужников Н.В. К вопросу о типологии пространств в ненецком героическом эпосе (места обитания) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 729–740.
- Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: АН СССР, 1961. Т. 20. С. 54–74.
- Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькупов // Вдовин И.С. (отв. ред.). Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981. С. 42–68.
- Пушкарева Е.Т. Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ. Екатеринбург: Баско, 2007. 246 с.
- Рындина О.М., Колесникова С.Ю., Кулемзин В.М. Время и пространство в самодийской традиции: календарь и нарта // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2018. № 56. С. 143–150.
- Симченко Ю.Б. Традиционные верования нганасан. М.: Б.и., 1996. Т. 1. 215 с.; Т. 2. 193 с.
- Сподина В.И. Представление о душе как центральной зоне ментальности этноса (на материале хантов и лесных ненцев) // Вестник угроведения. 2012. Т. 2. № 1 (8). С. 132–148.
- Сподина В.И. Понятие «время» и особенности его восприятия обскими уграми и самодийцами // Вестник угроведения. 2016. Т. 6. № 1 (24). С. 135–142.
- Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 300 с.
- Сусой Е.Г. Из глубины веков. Тюмень: ИПОС РАН, 1994. 171 с.
- Сэрниво С.Е. Женское пространство в культуре ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2016. 142 с.
- Терехина А.Н., Кочевая школа в современной системе образования для народов Севера РФ: концепции, дискурсы и практики: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 253 с.
- Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 226 с.
- Харючи Г.П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб.: Историческая иллюстрация, 2012. 159 с.
- Яптик Е.С. «Дачный» чум как стратегия хозяйственной деятельности ненцев Ямала // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 43–50.

- Яптик Е.С.* «Свои» и «чужие» на железной дороге «Обская — Бованенково» // Кунсткамера. 2021а. № 2 (12). С. 138–147.
- Яптик Е.С.* *Homo technicus mobilis* на Ямале // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021б. № 2 (53). С. 120–128.
- Laptander R.* When We Got Reindeer, We Moved to Live to the Tundra: The Spoken and Silenced History of the Yamal Nenets. Rovaniemi: Lapin yliopisto, 2020. 169 p.
- Stammler F.* Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the 'End of the Land'. Münster: Lit-Verlag, 2005. XXVII+361+11 p. (Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. Vol. 6).